

ЖЖВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXII г.

№ 28

Выданъ 14 іюля 1901 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 24-хъ книжечекъ „Сборника“, содерж. соч. Г. П. Данилевскаго, 12 книгъ литературныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XXXII

1901

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1901 г.

При этомъ № прилагается: Сборникъ „Нивы“ № 13, содержащій „Полное собраніе сочиненій Г. П. Данилевскаго“, томъ XIII.

Д е н ь г и.

Повѣсть

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе.)

XVIII.

Произошло что-то странное и неожиданное. Анатолій пришелъ къ нимъ и на другой день, и на третій, а на четвертый — онъ пришелъ съ утра и пробылъ до вечера. Тотти была удивлена. Проходя мимо оконъ квартиры Анатолія, она видѣла въ окнѣ разстроенное, поблѣднѣвшее лицо дѣвушки съ большими сѣрыми глазами и рядомъ съ ней красивую кудрявую голову ея отца, склонившуюся надъ русской газетой. Дѣвушка, казалось, вопросительно смотрѣла на Тотти, какъ будто ждала отъ нея разрѣшенія мучившей ее загадки. Тотти дѣлалось неловко, и она проходила мимо, стараясь не смотреть по сторонамъ.

А дома — съ самого утра передъ ней проносился вѣчный праздникъ беззаботнаго житія. Дѣвушки съ хохотомъ вставали съ постелей, въ угоду ей щебеча по-французски. Съ хохотомъ онѣ одѣвались, мылись, припекали свои кудри до того, что чадъ стоялъ по комнатамъ и пахло палеными волосами. Онѣ сидѣли по два часа каждая у своего зеркала и съ наслажденіемъ осматривали свое лицо, шею и плечи, — нѣтъ ли гдѣ пятнышка и прыщика. Тотти призывала ихъ къ добродѣтели, но все было напрасно. Онѣ смѣялись, цѣловали ее, цѣловали другъ друга, шуршали шелковыми рубашенками, туго затягивались въ длинные книзу и открытые сверху парижскіе корсеты; пристегивали къ нимъ чулки, натирали какимъ-то кремомъ руки, чтобъ онѣ не загорали, и

Малороссіянка. Фотоэтиюдъ А. Завадскаго, авторипія „Нивы“.

едва къ двѣнадцати были готовы. Когда приходилъ Анатолій, онѣ обѣ распѣтали и по очереди кокетничали съ нимъ, какъ кокетничаютъ дочки богатыхъ коммерсантовъ — грубо, наивно, навязчиво. Онѣ не ревновали другъ къ другу, — каждая изъ нихъ уступала другой кавалера, и каждая въ разговорѣ съ нимъ, казалось, хотѣла сказать: «вотъ, смотри, какая я, смотри, какая я хорошенькая; да еще какое приданое за мной; если хочешь — женись или возьми сестру; это все равно, — я найду себѣ другого, но на комъ-нибудь изъ насъ женись, миленькій».

Несмотря на ихъ глупость, обѣ дѣвицы дѣйствовали довольно систематически. Онѣ во время умѣли показать гостю брильянты не только свои, но и матери, наивно замѣтивъ, что колье, перешедшее къ ней еще отъ бабушки, получить въ приданое та, которая раньше выйдетъ замужъ. Потомъ ему показывали фотографію ихъ дачи подъ Одессой и говорили:

— Вотъ это все вокругъ наше, и эти амбары наши, тутъ ихъ цѣлый городокъ. А вотъ тамъ правѣе — это ужъ дядино. Но дяди старше папы, и дѣтей у него нѣтъ, такъ что все послѣ него къ намъ переходитъ. Лена, покажи Анатолію Павловичу дядинъ портретъ.

И ему приносили портретъ стараго грека съ большими выпуклыми глазами. На портретѣ была надпись: «моей любимой племянницѣ-дочкѣ».

— Видите, какъ онъ насъ любитъ, — объясняли ему.

Анатолій чувствовалъ себя съ барышнями несравненно свободнѣе, чѣмъ съ Наташей. Во-первыхъ, тутъ не было вѣчной, тягучей рѣчи о больномъ отцѣ, да и самаго большого отца не было. Во-вторыхъ, разговаривая съ барышнями, можно было рѣшительно ни о чемъ не думать, задавать имъ вопросы и отвѣчать какъ попало, особенно если тутъ не было Тотти. Тотти мѣшала. Въ ея черныхъ глазкахъ было что-то, отчего иногда Анатолію становилось неловко. Но она, впрочемъ, не мѣшала имъ; при второмъ уже посѣщеніи Анатолія, ей сказала madame Петропопуло:

— Душечка, оставьте ихъ. Если вы сами за него хотите, — тогда другое дѣло. Но если вы не рассчитываете, такъ не мѣшайте. Молодые дѣвушки — имъ, конечно, пріятно имѣть такого кавалера.

И Тотти ихъ оставляла. Она бралась за книгу и уходила въ садикъ. Она садилась на скамейку и задумчиво смотрѣла на то же море, на которое изъ своего окна смотрѣлъ Александръ Дмитриевичъ. Она видѣла тѣ же, что и онъ, далекія горы, синеватыми кругами вздымавшіяся надъ лазурной гладью. Но мысли ея были иного строя. Она ни о чемъ собственно не думала, и это были только обрывки мыслей. Она вспоминала свой домъ, свое дѣтство, свою мать. Она думала о томъ, какъ живутъ люди за этими лиловыми горами, и что тамъ дальше, и куда ходитъ этотъ пароходъ, и зачѣмъ такъ много народа ѣздитъ каждый день изъ того селенія, что виднѣется тамъ на берегу, сюда, на Принкипо, и дальше, туда, въ Константинополь. Она не думала ни о варягахъ, ни о послыхъ Владиміровыхъ, ни о значеніи Византіи, — она смотрѣла на смутную дымку, окутывавшую Константинополь, и вспоминала пыльные, душные комнаты, тощую коню и того осла, что лягался на улицѣ, когда она отъѣзжала отъ таможни. Ей никуда не хотѣлось, никуда ея не тянуло. Она была почти довольна своимъ положеніемъ, хотя вѣчное стрекотанье дѣвицъ раздражало ее.

Она два раза застала ихъ за чтеніемъ бульварнаго французскаго романа. Она начала его просматривать — и увидѣла, что онъ и пошелъ, и циниченъ. Она сама смутно понимала все его неприличіе и просила барышень его бросить. Онѣ кинулись цѣловать ее, по обыкновенію, и увѣрить, что это все совсѣмъ ничего и что братъ имъ приносить и не такія книги.

Даже Тотти была рада, что ее оставляютъ одну. Она нашла нѣсколько старыхъ романовъ Гюго и была поглощена фантазмагоріей его огненныхъ красокъ. Точно ка-

кая радужная паутина спускалась на нее, когда она развертывала книгу. И въ этой паутинѣ, отдѣлявшей ее отъ остального міра, было ей хорошо, — и ей казалось, что она сладко спитъ наяву. Мощныя чувства, мощные люди, чрезмерная любовь, острота чувствительности, безбрежность поэтическаго вымысла, — все это уносило ее куда-то высоко, на вершины тѣхъ горъ, гдѣ ночевали пурпурныя облака. Она забывала, что въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея Лена играетъ на инкрустированномъ пианино какую-то польку, а сестра ей подпѣваетъ, а товарищъ прокурора, слегка прищурившись, смотритъ внимательно на нихъ и думаетъ: «которую?»

Разъ, подъ вечеръ, она шла по дорогѣ къ сосѣднему магазину, чтобы купить банановъ, когда Наташа подошла къ ней и остановила ее.

— Не у васъ ли Анатолій Павловичъ? — внезапно спросила она, и на лицѣ ея такъ и дрожали тревога и страхъ.

— Да, онъ у Петропопуло, — отвѣтила Тотти.

— Скажите ему, будьте добры сказать... Что папѣ дурно, при немъ докторъ. Я одна сбилась съ ногъ... Не придеть ли онъ?

— Если хотите, я помогу вамъ, — сказала Тотти.

— Нѣтъ, — почему же вы! — быстро возразила дѣвушка. — Я бы васъ просила позвать его.

— Хорошо, я сейчасъ приплю его.

Она быстро повернулась и пошла къ дачѣ. Товарищъ прокурора сидѣлъ передъ Леной, и они били другъ друга по рукамъ, стараясь отдернуть пальцы отъ удара.

— Васъ просятъ къ этому старику: ему очень плохо, — сказала Тотти. — Съ нимъ, кажется, припадокъ.

Анатолій поднять голову и сказалъ:

— Неужели? Это очень грустно.

Лена воспользовалась этимъ и звонко плеснула его по рукамъ, такъ что гулъ пошелъ по всему дому.

— Лена, — заговорила Тотти: — оставьте его, ему надо идти, у него обязанности.

Дѣвушка опустила руки.

— Я не держу, — виноватымъ голосомъ сказала она.

— Не послать ли лучше записку? — спросилъ Анатолій и тутъ же, вырвавъ страничку изъ записной книжки, написалъ:

«Что случилось? Напишите, пожалуйста».

Бумажку послали съ горничной. Черезъ десять минутъ она принесла отвѣтъ. Подъ вопросомъ было написано карандашомъ:

«Не беспокойтесь, — папѣ лучше».

— Ну, я такъ и думалъ, — успокоительно замѣтилъ онъ. — Однако, посидѣвъ еще немного, онъ всталъ и простился.

Когда онъ ушелъ, Тотти сказала барышнямъ:

— Мнѣ кажется, онъ — нехорошій человекъ.

— Нѣтъ, онъ хорошій, — обиженнымъ тономъ сказала Лена. — И я не знаю, зачѣмъ вы его взбаломутили? Вѣдь все равно, онъ на ней не женится.

— Почему вы знаете?

— Онъ самъ мнѣ сказалъ. Онъ мнѣ сказалъ... Вы не удивляйтесь, пожалуйста, онъ мнѣ сказалъ, что любить меня гораздо больше, чѣмъ ее.

— Онъ вамъ сказалъ это?

— Да, и я выйду за него замужъ.

— Вы вздоръ говорите.

— Нѣтъ, не вздоръ, не вздоръ, — вдругъ закричала Лена, и затопала ногами. — Не смѣйте мнѣ такъ... Не смѣйте.

Она вдругъ упала на диванъ и залилась слезами.

— Она гадка, гадка! — сквозь слезы говорила она. — Онъ не любитъ ея, меня любить.

Вошла мать. Она услышала ея рыданія и, переваливаясь, вползла въ двери. Она равнодушно посмотрѣла на дочь.

— Помогите ее, вспрысните, — сказала она. — Видишь, какъ полюбила: бьетъ всю даже.

Сестра побѣжала за водой и стала сырыскивать Лену.
— Оставьте меня! — кричала она. — Вы всё гадкія, меня всё ненавидятъ! Я отравлюсь, я не могу больше!

— Скажите, какъ влюбилась! — сочувственно повторяла старая гречанка, качая головой. — Совсѣмъ пора замужъ выходить: такъ кричить, что сама ничего не понимаетъ.

Лена успокоилась только тогда, когда ее уложили въ постель. Да и тамъ она, лежа ничкомъ, все вздрагивала и судорожно пожимала плечами, спрятавъ лицо въ подушки.

. XIX.

На слѣдующій день былъ праздникъ. Всѣ греки наганувъ съѣхались на острова, позакрывавъ въ Константинополѣ свои конторы и склады. Въ монастырѣ служили обѣдню, и серебряный звонъ колокола далеко разносился по морскому простору. Тотти встала раньше своихъ ученицъ и по обыкновенію вышла въ садикъ. Мимо ограды ходилъ какой-то господинъ съ большой головой, и фигура его показалась ей знакомой. Она взглянула попристальнѣе и узнала въ немъ бухгалтера, съ которымъ познакомилась на пароходѣ. Онъ тоже призналъ ее и радостно приподнялъ свою странную остроконечную шляпу.

— Фу! Слава Богу! — сказалъ онъ. — Наконецъ, я хоть васъ нашелъ. Приѣхалъ съ вечера и блуждаю здѣсь, какъ воронка, заглядывая во всѣ окна.

— Я рада васъ видѣть, — отвѣтила Тотти, подавая ему руку. — Вы искали меня?

— Собственно не васъ, а прокурора. Но я счастливъ, что и васъ нашелъ. Васъ не съѣли греки?

— Нѣтъ, какъ видите, — засмѣялась она.

— Вижу. Вижу даже, что вы цвѣтете. У васъ лучше видъ, чѣмъ на пароходѣ. Появился загаръ, глазки блестятъ. Что же, вы довольны вашимъ мѣстомъ?

— Не знаю, кажется, довольна.

— О, «кажется». Противное слово! Терпѣть не могу кажется, и особенно, когда что-нибудь кажется хорошимъ. У насъ часто говорятъ: онъ, кажется, не мошенникъ. У насъ въ банкѣ такъ говорятъ. Стараются увѣрить и себя и другихъ, что всѣ, кажется, порядочные люди и, кажется, никто не воруетъ. Впрочемъ, это все вздоръ! Ну, а скажите, какъ же живутъ греки? Ыдятъ гречіе орѣхи, моются гречими губками, псовѣдуютъ греческую вѣру?.. Кстати, какъ фамилья вайнихъ принциаловъ? — Петропупуло? Ну, вотъ видите! А я все спрашивалъ Попандораки: мнѣ мелькомъ называли фамилью, но я, конечно, тотчасъ же и спуталъ. Ну, вотъ, очень я радъ, очень. Я такъ и напишу нашему архитектору, что видѣлъ васъ, что вы веселы, счастливы, довольны, жизнерадостны, любвеобильны и прочее, и прочее.

— Почему же любвеобильна?

— У васъ въ глазахъ горитъ свѣтлая, ясная, молодая любовь ко всему: къ природѣ, къ людямъ, къ Богу; мнѣ кажется у васъ такое настроеніе, что вы любите даже комаровъ и мухъ.

— Охъ, какъ вы не наблюдательны! — возразила Тотти. — Напротивъ, я никого не люблю въ мірѣ, и ко всему равнодушна. На меня нашла полоса какого-то безразличія.

— Нѣтъ, вы меня не обманете, — воскликнулъ Алексѣй Ивановичъ. — У васъ подъ пепломъ тлѣютъ искры, — вы меня не разубѣдите. Такъ ноздри не раздуваются, когда человѣку до всего все равно. Ну, да опять-таки и не въ этомъ дѣло. А вотъ что — укажите мнѣ, гдѣ обитаетъ нашъ прокуроръ. Ему, понимаете, одну за другой присылаютъ три телеграммы. Кто его знаетъ, о чемъ извѣщаютъ: можетъ у него дядя въ Америкѣ умеръ, или какая-нибудь фабрика его сгорѣла. Приносятъ въ гостиницу до востребованія одну, потомъ другую, потомъ третью. Я знаю, что онъ куда-то уѣхалъ на Принцесвы Острова — по куда, не знаю. Фамилью его неисты тоже

забылъ. Въ гостиницѣ почему-то совсѣмъ ихъ фамилья не знаютъ. Словомъ чепуха, андроны на колесахъ. Самъ прокуроръ мнѣ такъ же симпатиченъ, какъ подонка на чужомъ сапогѣ, но все-таки долженъ же я передать нужный документъ. И вотъ я сажусь на какой-то кривой пароходъ и приѣзжаю сюда. Вчера рыщу по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, сижу въ саду, гдѣ играетъ скверная музыка, и пью скверную мастику (вотъ тоже греческое изобрѣтеніе!), — и никого не вижу изъ тѣхъ, кого надо. Сегодня только что выпилъ стаканъ кофе (Боже мой, что за гадость этотъ кофе), какъ опять, высуня языкъ, ношусь съ горки на горку. Хорошо еще, что нигдѣ не видно дворниковъ съ бляхами, а то они задали бы мнѣ за любопытство... Вы меня простите, что я такъ много наговорилъ. Но дѣло-то все въ томъ, что я больше не дѣли ни слова не говорилъ по-русски. Вы понимаете, какъ это тяжело, какая является потребность отвести душу...

Они стояли у низенькой желѣзной рѣшетки. Бухгалтеръ взялся за нее двумя руками и раскачивался взадъ и впередъ. Дѣвушка стояла противъ него, закрывшись отъ солнца краснымъ зонтикомъ. Они почти не замѣтили, какъ возлѣ нихъ выросла внезапно длинная фигура юноши съ покраснѣвшимъ, возбужденнымъ лицомъ.

— Pardon, mademoiselle, — говорилъ Костя. — Пожалуйста, pardon. Я не хотѣлъ перерывать tête-à-tête. Но я случайно проходилъ мимо и вижу.

— Почему же вы это называете tête-à-tête? — вспыхнувъ, спросила Тотти. — Хорошее мѣсто для свиданій — улица.

— Мнѣ это все равно! — сдерживая злость, сказала юноша и, приподнявъ шляпу, удалился.

— Это что? Хозяйскій сынъ? — спросилъ бухгалтеръ. — Влюбленъ мальчикъ? Усѣбъ ужъ?

— Что онъ говоритъ пошлости, ему и Богъ велѣлъ, — проговорила Тотти: — но вамъ-то какъ не стыдно?

— Да что жъ тутъ стыдиться? Дѣло простое. Увидѣлъ хорошенькую дѣвушку, да еще безъ эллискаго носа, ну и, конечно, и готовъ.

— Вамъ нуженъ адресъ Анатоля Павловича?

— Нуженъ.

— Вотъ онъ живетъ тамъ накось. Видите бѣлый домъ съ зелеными ставнями? Тамъ желѣзные ворота, и подъѣздъ налѣво. Прощайте.

— Пойдите, пойдите, — вы сердитесь! Ради Бога, — этого совсѣмъ не надо. Если я что сказалъ лишнее, не обращайтесь вниманія. У меня языкъ, что воронка — все проливается. Ну, умоляю васъ, не сердитесь. Я проживу здѣсь дня два, и каждый день буду ѣздить на ослѣ мимо вашихъ оконъ.

Она кивнула ему головой и пошла по дорожкѣ, а онъ направился къ указаннымъ ему воротамъ.

Анатолий только что всталъ и пилъ у себя въ комнатѣ чай, когда увидѣлъ изъ окна Алексѣя Ивановича. Онъ поморщился, но пригласилъ его войти въ комнату.

— Вы извините, я не у себя живу, — сказалъ онъ, подавая ему стулъ и какъ бы намекая, чтобъ онъ не засиживался.

— Я тоже въ гостиницѣ, — возразилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Это не гостиница, а домъ моего тестя, — поучительно замѣтилъ товарищъ прокурора.

— Да, это выгоднѣе гостиницы, — согласился бухгалтеръ. — Вы меня извините, что я осмѣлился ворваться въ вашу интимную жизнь. Но мною руководило желаніе передать вамъ, быть-можетъ, нужныя телеграммы.

— Весьма благодаренъ, — отвѣтилъ Анатолий, не выражая, впрочемъ, на лицѣ никакой благодарности, и протянулъ руку за телеграммами.

Алексѣй Ивановичъ вынулъ бумажникъ, покопался въ немъ и вытащилъ три депеши.

— Вотъ это номеръ первый, — сказалъ онъ: — вотъ второй, вотъ третій, — въ хронологическомъ порядкѣ.

Анатолий вскрылъ первую телеграмму, тотчасъ же ее

Набатъ. Ориг. рис. (собств. «Нивы») И. И. Ижакевича, авт. «Нивы».

Кукольный театр. Картина Г. Каульбаха, авт. Шрейбера.

бросилъ, вскрылъ вторую, слегка поблѣднѣлъ, сдвинулъ брови, подумалъ, медленно распечаталъ третью, прочелъ, свернулъ ее и встревоженно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Онъ видимо сдержался и больно закусывалъ свои поблѣвшія губы.

— Кажется, я вамъ привезъ непріятныя извѣстія?— спросилъ бухгалтеръ.

— Да, не изъ пріятныхъ, — сказалъ онъ, продолжая шагать.

Алексѣй Ивановичъ молча слѣдилъ за нимъ глазами.

— Не могу ли чѣмъ-нибудь вамъ помочь? — спросилъ онъ.

Анатолій улыбнулся его наивности.

— Вы? Мнѣ?—спросилъ онъ въ свою очередь.—Нѣтъ, благодарю васъ. Я не нуждался никогда ни въ чьей помощи.

Бухгалтеръ всталъ.

— Въ такомъ случаѣ до свиданія!—сказалъ онъ.

— До свиданія,—повторилъ товарищъ прокурора, подавая ему руку.—Я искренно вамъ благодаренъ за ваше безпокойство; я прямо пораженъ. Неужели вы пріѣхали для этого изъ Константинополя?

— Я думаю, это всякій бы сдѣлалъ. Вѣдь вы, я полагаю, привезли бы мнѣ нужныя депеши, еслибъ были въ моемъ положеніи?

— То-есть, еслибъ располагалъ совершенно свободными временемъ? Очень можетъ быть. Весьма вѣроятно.

Онъ проводилъ гостя до двери, воротился къ столу, снова перечелъ всѣ три депеши, улыбнулся, потеръ себѣ пальцемъ лобъ, опять прошелся по комнатѣ, затѣмъ оставилъ, поднялъ голову и сказалъ:

— Надо дѣйствовать.

Онъ тщательно одѣлся, вычистилъ и отшлифовалъ ногти, подвиль усы, завязалъ очень искусно галстукъ, посмотрѣлъ на часы и позвонилъ прислугу.

— Я ухожу по дѣлу, — сказалъ онъ: — ворочусь не раньше, какъ черезъ часъ. Если спроситъ обо мнѣ барышня, вы скажете, что я къ часу буду.

Онъ еще разъ оглядѣлъ въ зеркалѣ свой туалетъ, еще разъ поправилъ галстукъ, взялъ шляпу и трость и вышелъ изъ дома.

XX.

По воскресеньямъ у Петропопуло вставали раньше, потому что отецъ и сынъ вставали рано, и подымали весь домъ. Товарищъ прокурора уже зналъ этотъ обычай дома, зналъ, что въ одиннадцать часовъ двѣицы уже одѣты, и потому смѣло шелъ къ нимъ въ своемъ свѣтломъ фланелевомъ костюмчикѣ, ярко освѣщенный жгучимъ августовскимъ солнцемъ юга. Онъ уже рѣшилъ безповоротно дѣйствовать такъ, какъ по его убѣжденію слѣдовало дѣйствовать, и смѣло отворилъ узорную калитку изъ сада.

Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ Лену, играющую съ таксой. Молоденькая собака на вывернутыхъ лапахъ неуклюже носилась за нею, лоя за подолъ платья, а дѣвушка хлопала въ ладони, отскакивала, прыгала, смѣялась и кричала.

— Эту такъ эту! — почти вслухъ сказалъ Анатолій, подходя къ ней.

— Я пришелъ къ вамъ проститься,—началъ онъ.—Я сегодня же долженъ ѣхать въ Россію.

Лена такъ и застыла съ раскрытымъ ртомъ. Ему даже показалось, что она пятается и безпомощно протягиваетъ къ нему руки. Можетъ-быть, этого и не было, но онъ быстро схватилъ ее за плечи рукой и шепнулъ:

— Успокойтесь, что съ вами!

Онъ посадилъ ее на скамейку и самъ сѣлъ рядомъ. Она растерянно по-дѣтски смотрѣла на него.

— Да какъ же это вы такъ вдругъ?—спросила она.

— Нельзя, надо,—отвѣтилъ онъ, не отпуская ее руки

и чувствуя сквозь жесткій кружевной рукавъ ея мягкую теплую руку.

— А какъ же сестра?—спросила она.

— Сестра?—повторилъ онъ и быстро сравнилъ въ умѣ, которая красивѣе. Лена старше, но у нея носъ меньше; а у младшей носъ ужъ совсѣмъ греческій.

— Или вы для гувернантки сюда ходили?—продолжала она жалобнымъ голосомъ.—У насъ всегда такъ...

— При чемъ тутъ ваша сестра, при чемъ гувернантка!—заговорилъ Анатолій.—Я ѣду домой, потому что умерла моя богатая тетка, и я являюсь ея наслѣдникомъ.

— Не богаче же она насъ!—вырвалось у Лены.

«Что жъ, кажется, совсѣмъ клянуло»,—подумалъ онъ и еще крѣпче придвинулъ ее къ себѣ.

— Какъ вамъ не стыдно говорить не только о гувернанткѣ, но и о вашей сестрѣ,—сказалъ онъ, приближая къ ея лицу свое лицо.—Скажите мнѣ одно слово, и я уѣду вашимъ женихомъ.

Такса, внимательно смотрѣвшая на нихъ, вдругъ вскочила и залаяла.

— Идутъ,—быстро увертываясь, сказала Лена.

— Я пойду къ вашей матушкѣ,—шепнулъ онъ.

— Зачѣмъ?—удивилась она.—Идите къ папѣ: онъ читаетъ газеты, и очень будетъ радъ.

Изъ-за деревьевъ показалась тучная усатая фигура madame Петропопуло. Она шла переваливаясь и опираясь на зонтикъ. Анатолій подошелъ къ ручкѣ, чего онъ никогда раньше не дѣлалъ. Она удивилась, хотѣла поцѣловать его въ лобъ, но поцѣловала только воздухъ.

Самъ Петропопуло читалъ съ наслажденіемъ только-что полученную греческую газету. При видѣ товарища прокурора, онъ торопливо сталъ вставать съ кресель, что было довольно затруднительно при его тучной фигурѣ. Анатолій успѣлъ ласково удержать его за плечо.

— Зачѣмъ, не трудитесь,—сказалъ онъ и самъ сѣлъ безъ приглашенія противъ него.—Вы, быть-можетъ, удивитесь: я пришелъ просить руки вашей старшей дочери.

Газета упала съ колѣнъ коммерсанта. Онъ снялъ очки и сталъ ихъ протирать.

— Конечно, я очень недавно имѣю честь быть съ вами знакомымъ,—продолжалъ Анатолій, слегка покачиваясь на стулѣ и почему-то иронически улыбаясь.—Я бы никогда не рѣшился столь поспѣшно сдѣлать предложеніе. Но я получилъ депешу. Умерла богатая тетка. Я долженъ ѣхать. Я—ея единственный наслѣдникъ. Я люблю вашу дочь и хотѣлъ бы уѣхать женихомъ. Согласіе васъ ни къ чему не обязываетъ. Я вернусь; вы присмотритесь еще ко мнѣ. Но я думаю, что я сдѣлаю вашу дочь счастливой.

Грекъ нахмурилъ брови.

— У васъ какой чинъ?—спросилъ онъ.

Анатолій сказалъ.

— А что говорить Лена?

— Она согласна.

— А что говорить ея мать?

— Я еще не говорилъ съ madame Петропопуло, — отвѣтилъ Анатолій, вспомнивъ, что ни разу не догадался спросить, какъ зовутъ будущую тещу.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ надо объясниться съ ней. Мы ничего не предпринимаемъ, не посоветовавшись другъ съ другомъ. Она очень обидится, если вы не обратитесь къ ней.

— Я съ удовольствіемъ.

Онъ хотѣлъ встать, чтобы идти. Старый грекъ удержалъ его за колѣнку.

— А вамъ сколько надо приданого? — спросилъ онъ.

— А вы сколько дадите?

— А вотъ поторгуюсь.

— Зачѣмъ торговаться? Что дадите, то и возьму.

— Какъ же не торговаться? А вдругъ я ничего не дамъ? Дамъ тряпки да камни, а больше ничего. Вы придете, спросите: «а деньги?»—а я скажу: «договора не было».

— Ну, давайте договариваться, — весело сказал Анатолий. — Я буду просить больше, а вы давайте меньше.

— Сколько-же возьмете?

— Миллионъ.

— А вы видали когда миллионъ?

— Видалъ.

— Ну, покажите рукой, ежели золото, такъ какой это сундукъ выйдетъ?

— Почему я знаю. Я зъ бумагахъ видалъ.

— Ну, а миллионъ золотомъ одинъ человекъ унесетъ, вы какъ полагаете?

— Не знаю.

— А сто тысячъ унесетъ?

— Я думаю, что унесетъ.

— А я думаю, не всякій. Носильщикъ снесетъ.

Анатолий нетерпеливо повелъ плечомъ.

— Вы мнѣ точно экзаменъ дѣлаете!

— Нѣтъ, я къ тому: вы говорите миллионъ, а сами не знаете, какой онъ такой миллионъ — большой или маленький, тяжелый или легкий.

Они помогали.

— Такъ какъ-же? — спросилъ Анатолий.

— Сто тысячъ чистыми. А остальное — векселя.

— А что остальное?

— Пятьсотъ.

Сердце Анатолия дрогнуло.

— На это я не согласенъ, — сказалъ онъ.

— Не рублей пятьсотъ, а тысячъ.

— Десять годовыхъ процентовъ будете платить?

— Три.

— Вы шутите?

— Зачѣмъ шутить. Хороши шутки! Пятнадцать тысячъ въ годъ.

— Кто-же платитъ три процента?

— Хорошій процентъ. За границей — два процента считаютъ деньгами. Это не то что Россія.

— Я не согласенъ.

Грекъ опять сдвинулъ брови, взялъ карандашъ и листъ бумаги.

— Говорите, какъ?

— Триста наличными.

Петропуло написалъ триста.

— На семьсотъ тысячъ векселей изъ пяти годовыхъ.

Петропуло написалъ и перечеркнулъ все крестомъ.

— Вотъ видали? — спросилъ онъ.

Анатолий всталъ.

— Въ такомъ случаѣ... — началъ онъ.

— Вы сядьте, — возразилъ грекъ. — Теперь я писать буду. Деньгами — сто тридцать въ самой перкви. Векселей на пятьсотъ изъ трехъ годовыхъ.

— Я вамъ говорю, что вы шутите. Торгуете дочерью. Видъ я ей положеніе дамъ. Она не дочь купца будетъ.

— Я не могу.

— Значитъ все, что о вашемъ богатствѣ говорятъ вздоръ?

— Много пустого болтають.

— Ну, такъ прощайте.

Грекъ вѣжливо подаль ему руку. Анатолий пошелъ къ двери. Въ дверяхъ его коммерсантъ окликнулъ.

— Подите сюда!

Тотъ послушно вернулся.

— Послѣ моей смерти за Леной будетъ полтора миллиона.

Въ глазахъ прокурора заколыхалась пелена.

— Слушайте, дорогой, — сказалъ онъ. — Чтобы покончить намъ разговоръ, я предложу вамъ окончательныя кондиціи.

— Очень радъ, — сказалъ старикъ и опять схватилъ карандашъ.

— Наличными двѣсти тысячъ.

— — — двѣсти тысячъ.

— Миллионъ триста тысячъ векселей, изъ трехъ годовыхъ.

Глаза у грека выкатились.

— Вы-жъ говорили: векселей на семьсотъ тысячъ?..

— Я не зналъ, что за Леной полтора миллиона.

— Послѣ смерти.

— Я не хочу, чтобы вы умирали, но хочу имѣть на эту сумму векселей.

Петропуло вдругъ раскрылъ свои объятія.

— Ну, идите цѣловаться, — сказалъ онъ.

Анатолий почувствовалъ у своихъ губъ потныя, жирныя щеки грека.

— Такъ вы согласны? — спросилъ онъ.

— Согласимся.

— Нѣтъ, — вы напишите.

— Да вы скажите, сколько вы хотите въ годъ процентовъ?

— Тридцать тысячъ.

Грекъ внезапно показалъ шишъ.

— А это видѣли?

— Ну, васъ къ чорту! Говорить-то съ вами не стоитъ, — сказалъ Анатолий, опять подымаясь.

Грекъ схватилъ его за фалду.

— Двѣсти тысячъ чистыми и двадцать въ годъ?

— Ладно. Пишите.

— Что писать?

— Письмо мнѣ пишите. Согласенъ на ваше предложеніе и съ своей стороны обещаю то и то.

— Да какой-же смыслъ въ этомъ документѣ?

— Не все-ли вамъ равно — пишите.

— Невѣроятій вы человекъ. Сейчасъ видно — судейскій. Ну, да пусть.

Онъ взялъ листокъ бумаги и придвинулъ перьямъ. Анатолий вздохнулъ съ облегченіемъ.

«Ужели, ужели!» — подумалъ онъ, чувствуя, какъ радостно прыгаетъ его сердце. И тутъ-же ужасная мысль пришла ему въ голову:

— «А вдругъ надуетъ!»

Но старикъ грузно сидѣлъ на стулѣ и, царапая перомъ по бумагѣ, послушно писалъ посланіе будущему зятю.

XXI.

Когда письмо было готово, Анатолий внимательно перечиталъ, спряталъ въ карманъ и еще разъ облобызался.

— Надѣюсь, папа, дѣло кончено? — спросилъ онъ.

— Да, но теперь подите къ моей женѣ и скажите ей все такъ, какъ будто вы со мной и не говорили.

Анатолий пошелъ въ садъ. Солнце сіяло ярче чѣмъ полчаса назадъ, воздухъ былъ легче и ароматнѣе, зелень красивѣе, небеса голубѣе. Очевидно, сама природа принимала непосредственное участіе въ торжествѣ товарища прокурора.

Гречанка сидѣла неподвижно на самомъ солнцеклѣ. Она сложила пухлыя ручки на животъ и совершенно безмысленно смотрѣла на кустъ олеандра, росшій по ту сторону дорожки. Анатолий приподнялъ шляпу и попросилъ позволенія сѣсть рядомъ.

— Сядьте, — пѣвучимъ голосомъ сказала она и показала мѣсто возлѣ себя.

— Вы знаете, madame Петропуло, — началъ Анатолий: — до чего я искренно преданъ вашему семейству?

Madame кивнула головой, чтобы подтвердить, что она это знаетъ.

— Каждый день бываю я у васъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе привязываюсь къ вашему милому дому.

— У насъ хорошій домъ, — сказала она и засмѣялась, показывая большіе кривые желтые зубы, изъ которыхъ одинъ былъ совсѣмъ желтый, потому что его дѣлали въ Одессѣ.

— Я такъ искренно и глубоко уважаю этотъ домъ, что продолжалъ товарищ прокурора, что одна мысль о томъ, чтобы расстаться съ нимъ тяготитъ меня.

— А вамъ не надо разлучаться, — подбодрилъ его старикъ.

— Я то же думаю, — подхватилъ онъ: — и я...

шаюсь войти въ вашъ домъ близкимъ человѣкомъ—примите меня.

Она немного подумала.

— Вамъ которую надо?—спросила она.

Онъ хотѣлъ было сказать: «все равно», но спохватился и сказалъ:

— Лену.

— А! А я думала вторую.

— Почему-же вторую? Елена Евстратіевна прелестна.

Старуха опять поморгала.

— А вы куда ее увезете?—спросила она.

— Въ Москву.

— Не люблю Москвы.

— Что-жъ дѣлать. Я служу тамъ.

— Вы не генераль еще?

— Нѣтъ. Но буду.

— У меня есть дядя генераль.

— Это хорошо,—подхватилъ Анатолій.

Опять замолчали. Гречанка смотрѣла на облака и обманивалась сильно надушеннымъ платкомъ.

— Такъ какъ же, что вы скажете на мое предложеніе?—спросилъ онъ, удрученный молчаніемъ.

Она перевела глаза съ неба на него.

— Всѣ мужчины,—заговорила она:—не понимаютъ женщинъ. Женщины выше ихъ, воздушнѣе.

Анатолій покосился на ея фигуру, но ничего не сказалъ.

— Женщинѣ болѣе свойственно увлекаться. А между тѣмъ женщина сдержана больше. Ахъ, куда больше! Вы, я знаю, обманывать будете жену. Мужчины всегда обманываютъ. Это очень нехорошо. Какъ кончится медовая луна, такъ сейчасъ обманетъ.

— Я не обману,—возразилъ, морщась Анатолій.

— Не можете того быть. Какъ-же вы можете не обмануть, если вы такой-же человѣкъ, какъ и всѣ?

Она замахала руками.

— Знаю я, знаю всѣхъ васъ. Ой, какіе вы! Совсѣмъ Богъ съ вами!

Она поднесла къ глазамъ платокъ и начала отирать выступившія слезы. Такъ какъ она имѣла обыкновеніе блѣкнуть и румяниться, то ручеекъ слезинокъ прорылъ цѣлую грязную полосу вдоль всей щеки, размывая штукатурку. Отъ брови тоже пошелъ кверху синій крючокъ.

— Мнѣ очень тяжело съ вами говорить,—сказала она. — Какъ всякая мать, я понимаю, я очень хорошо понимаю, на что идетъ дочь. Когда я выходила замужъ, мнѣ только-что исполнилось пятнадцать лѣтъ, и я очень плакала, а всѣ смѣялись. А я теперь не смѣюсь. Ужъ я знаю, что нечего смѣяться. Ахъ, бѣдная моя Лена!

«Куда ни шло, поцѣлую еще разъ у нея руку!»—подумалъ Анатолій.

— Полноте, маман,—сказалъ онъ:—я люблю Лену и сдѣлаю ее счастливой.

Въ это время въ кустахъ раздался легкій вскрикъ, и смущенная Лена выбѣжала и кинулась на колѣни передъ матерью. Она такъ была взволнована, что даже заговорила по гречески.

— По, по, по!—сказала мать.—Какъ ты его любишь, ахъ, какъ ты его любишь!

Черезъ десять минутъ всѣ пили въ залѣ шампанское. Самъ Петропонуло надѣлъ бѣлый галстукъ и черный сюртукъ. Онъ радостно улыбался и говорилъ:

— Я не обману, не обманите вы.

Пришла Тотти. Ее попросили тоже взять бокаль. Она взяла. Но когда она узнала причину торжества, бокаль чуть не выскользнулъ изъ ея рукъ.

— Что? Вы женитесь на ней?—спросила съ изумленіемъ она.—А какъ-же...

— Человѣкъ совершенно свободный,—возразилъ Анатолій.—Чѣмъ ни съ кѣмъ не связанъ.

— Она взяла бокаль на поднось.

— Выпейте, душенька, не стѣсняйтесь,—сказала маманъ Петропонуло.

Нѣтъ, у меня болить голова,—отвѣтила Тотти и вышла изъ комнаты.

Анатолій сталъ прощаться. Ему надо было немедленно улечься, чтобъ поспѣть ко вечера въ Константинополь. Онъ общалъ зайти хотя бы на минуту передъ отъѣздомъ, поцѣловался со всѣмъ и вышелъ.

Лена цѣнулась въ комнату Тотти.

— Милочка, что съ вами, за что вы меня оскорбляете?—съ гнѣвнымъ плачемъ заговорила она. — Когда всѣ меня поздравляютъ, вы вдругъ оставляете свой бокаль. Что это значить?

— Это значить, что васъ не съ чѣмъ поздравлять,—сухо замѣтила Тотти.

— Не смѣйте такъ говорить, не смѣйте!—почти съ плачемъ закричала Лена.

— Вы не кричите,—остановила ее гувернантка.—Онъ не имѣетъ права жениться на васъ, потому что женихъ—другой дѣвушка, и эта дѣвушка его любитъ.

— Никто, никто не можетъ его любить такъ, какъ я! Слышите—никто! Онъ—божество, гений, восторгъ! А вы завистливая, скверная интриганка. Вы сами хотите замужъ, и вамъ завидно, что моложе васъ выходятъ.

Тотти засмѣялась.

— Увѣряю васъ, что если бы онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я бы не пошла за него.

— Охъ, скажите! Такъ я и повѣрила! Красавецъ, умница, прокуроръ,—и она не пошла бы!

— Нѣтъ,—настаивала на своемъ Тотти:—потому что онъ человѣкъ дурной. Порядочные люди такъ не поступаютъ. И какъ вы смѣли принять его предложеніе? Ну, если онъ не имѣетъ понятія о чести, то какъ же вы—милая, неиспорченная дѣвушка,—какъ же вы позволяете ему говорить о любви, даете согласіе быть его женой, носить его фамилію? Я не ждала отъ васъ этого. Вы,—вы лишили моего уваженія!

— А вы моего!—подхватила гречанка.—Я не хочу, чтобъ вы оставались въ нашемъ домѣ, если позволяете себѣ говорить это мнѣ, хозяйской дочери. Какое мнѣ дѣло до этой дрянн, до его невѣсты! Я задумать ее готова, понимаете,—задушить!

Дѣвушка стояла передъ ней вся дрожа, съ широко-раскрытыми глазами, съ сжатыми руками, готовая дѣйствительно задушить свою соперницу. Въ ней говорила ревность, страстная южная ревность.

— Да мнѣ ничего не остается, какъ уѣхать отъ васъ,—сказала Тотти.—Но вы еще не разъ вспомните, что не послушали меня.

Лена вдругъ, какъ стояла, такъ и сѣла на полъ. Горькія слезы хлынули изъ ея глазъ.

— Не говорите, не говорите этого!—съ плачемъ просила она.—Пожалѣйте меня. Я глухая, я скверная, я виновата...

Она ловила ея руки, цѣловала ихъ, прижималась головой къ ея колѣнамъ, въ отчаяніи билась на полу. Это былъ какой-то припадокъ самой быстрой страсти.

— Полно, Лена, полно, что съ вами!—уговаривала Тотти.—Что вы дѣлаете, опомнитесь! Да неужели вы такъ его любите? Выходите за кого угодно, мнѣ все равно!

— Вы не любите меня, презираете, и несчастная!—безсвязно лепетала дѣвушка и, вдругъ схвативши обѣими руками воротъ платья, разорвала всю грудь пополамъ.

— Чѣмъ же платье виновато?—спросила Тотти.

— Ахъ, мнѣ все равно! Пусть все летитъ кочьями,—все!

Она прижалась головой къ гувернанткѣ, крѣпко схватила ее за талію и заплакала еще сильнѣе, еще отчаяннѣе.

(Продолженіе будетъ.)

Къ рисункамъ.

Нѣтъ ничего разнообразнѣ женской красоты. Сколько бы красивыхъ женщинъ вы ни встрѣчали въ жизни, всякая изъ нихъ окажется красивою по-своему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ собою какъ бы прелесть новизны. Конечно, и женская красота можетъ быть подведена подъ извѣстные типы. Но и этихъ типовъ безконечное множество, и сколько каждый изъ нихъ представляетъ разновидностей!

Малороссіянка имѣть свою болѣе или менѣе опредѣленную красоту. Но вотъ вы встрѣчаетесь съ представительницею этого типа красоты, и онъ васъ все-таки поражаетъ. Черты лица малороссіянки, воспроизведенной на фототюдѣ г. Завадскаго, не представляютъ ничего особеннаго, а между тѣмъ въ общемъ получается впечатлѣніе, большой миловидности, и если вникнуть въ это впечатлѣніе, то окажется, что не самыя черты лица, а то, что онѣ выражаютъ, что за ними скрывается, васъ привлекаетъ. Скрывается же за ними душа, настроеніе, внутренняя жизнь, представляющая у каждого человека такъ много особенностей... Не даромъ говорятъ, что душа человѣческая — потемки, и даже когда передъ вами такой ясный женскій образъ, какъ въ данномъ случаѣ, все же предъ вами загадка, которую васъ влечетъ разгадать.

Женская красота — одно изъ проявленій безконечнаго разнообразія жизни, гдѣ печаль и радость, трагическое и комическое постоянно уживаются рядомъ. Вы только что любовались малороссіянкой въ поэтической сельской обстановкѣ при мягкихъ лучахъ заходящаго солнца. Наступила ночь, и вдругъ идиллія смѣнилась драмой. Пламя быстро охватываетъ одну хату за другой. Раздаются зловѣщіе звуки набата, вѣтеръ все усиливается, пламя разростается, дымъ и тучи несутся съ страшною быстротою. Люди тамъ, въ дали, мечутся, не зная, какъ спасти свой скарбъ, и звонарь добросовѣстно исполняетъ свою обязанность, усердно бьетъ въ набатъ, зная, однако, что толку отъ этого мало, что некому поспѣшить на помощь, что пожарныхъ инструментовъ нѣтъ, и что стихія совершитъ свое грозное дѣло. Ежегодно лѣтомъ Россія горитъ, но быть можетъ никогда еще пожары не смѣнялись у насъ такъ быстро, какъ въ этомъ году. Въ короткое сравнительно время горѣли Брестъ-Литовскъ, Плоцкъ, Екатеринославъ, Царицынъ, даже Москва и Петербургъ сильно пострадали отъ огня. А сколько вы-

винная дѣтская душа. Другимъ же дѣткамъ, отгнаннымъ отъ лучшихъ мѣстъ, обидно. Въ особенности хороша эта маленькая дѣвчушка, не знающая, куда лучше пристроить свой стулъ, чтобы слѣдить за интереснымъ представленіемъ. Но наконецъ и обиженные какъ-нибудь пристроятся, и тогда удовольствіе будетъ общее...

Рижская юбилейная выставка. (Съ 3 рис. на этой стр.)

Рижская юбилейная выставка, торжественно открытая 1-го іюня т. г., задумана, чтобы ознаменовать 700-лѣтіе существованія Риги. Устроена она по частному почину — рижскимъ ремесленнымъ обществомъ и, какъ это ни странно, помимо участія управленія самого города, въ честь котораго она собственно и возникла. Въ виду

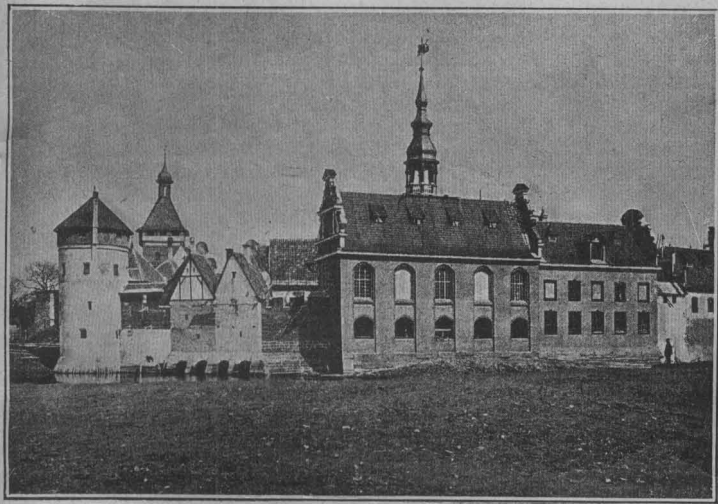
этого, такъ сказать, частнаго характера выставки, она не приняла такихъ широкихъ размѣровъ, какихъ слѣдовало бы ожидать въ виду участія всего населенія Риги и Прибалтійскаго края. Въ выставкѣ, дѣйствительно, приняли участіе три прибалтійскія губерніи, и она представляетъ въ извѣстной степени вѣрный и наглядный итогъ ихъ промышленной и, въ особенности, ремесленной дѣятельности.

За семь вѣковъ своего существованія Рига изъ небольшого города на Двинѣ, основаннаго нѣмецкимъ епископомъ Альбертомъ, постепенно, но все же очень быстро и значительно выросла въ крупный промышленный центръ, одинъ изъ самыхъ видныхъ въ Россіи. Первый подъемъ ея значенія относится къ XIII вѣку, когда она

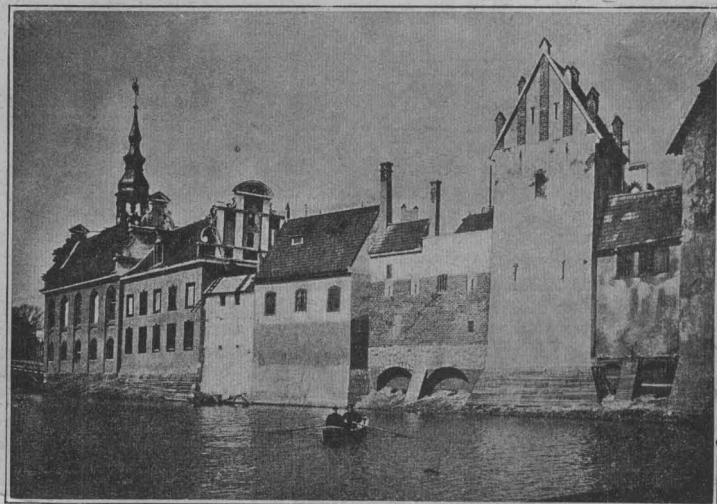
вступила въ могущественный ганзейскій союзъ. Богатѣвшая съ каждымъ годомъ отъ развивавшейся торговли и промышленности, Рига въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій потомъ изнывала и разорялась отъ военныхъ нашествій и междоусобицъ. Въ срединѣ XVI вѣка Рига подпала подъ вліяніе Польши, которой она была уступлена прежнимъ ея влѣстителемъ — нѣмецкимъ орденомъ меченосцевъ. Борьба между папствомъ и реформацией, вызвавшая въ Германіи 30-лѣтнюю войну, привела Ригу и Лифляндію къ шведско-польской войнѣ, закончившейся завоеваніемъ Риги въ 1621 г. Густавомъ-Адольфомъ. Шведское владычество продолжалось около ста лѣтъ; съ началомъ новаго вѣка возгорѣлась великая сѣверная война, и 4-го іюля 1710 г. послѣ продолжительной жестокой осады Рига сдалась на капитуляцію русскимъ войскамъ. Съ той поры, т. е. около двухъ вѣковъ

Рижская юбилейная выставка. Главный входъ въ Большой промышленный павильонъ. По фот. Шульца авт. «Нивы».

Рижская юбилейная выставка. «Старая Рига». По фот. Шульца авт. «Нивы».

горѣло деревень!.. Вотъ почему рисунокъ г. Ижакевича производить такое зловѣщее впечатлѣніе.

Глазъ и сердце невольно отдыхаютъ, когда отъ этой мрачной картины обращаешься къ дѣтскимъ рожицамъ, изображеннымъ шульбахомъ съ обычнымъ его мастерствомъ. Старшая сестра вздумала потѣшить маленькую компанію кукольнымъ театромъ. Маршечекъ у нея припасено не мало, и что только не заставляетъ она ихъ продѣлывать, какія только забавныя сцены она не придумываетъ! Веселье тутъ неподдѣльное. Но въ числѣ зрителей есть и обиженные. Болѣе шустрія дѣтки заняли лучшія мѣста. Имъ прекрасно видно, и они наслаждаются, какъ только можетъ наслаждаться не-

Рига и граничащая съ ней мѣстность составляетъ естественную западную границу Россійской Имперіи у Балтійскаго моря.

Внутреннимъ своимъ развитіемъ Рига въ значительной степени обязана цехамъ, воспитавшимъ дѣльныхъ ремесленниковъ и обеспечившимъ самостоятельное существованіе каждому отдѣльному лицу и возможность совершенствоваться въ своемъ призваніи. Но съ теченіемъ времени тѣсная организація цеховъ уступила мѣсто народившейся и все развивавшейся свободѣ ремесла. Точно также подъемъ техники и введеніе крупныхъ производствъ совершенно измѣнили весь строй торговой и промышленной жизни. Рига зорко слѣдила за всѣми этими успѣхами техники и промышленности, и всегда шла въ ногу съ успѣхами тех-

Этимъ объясняется культурный ростъ города, его первостепенное значеніе въ имперіи. Много содѣйствовало этому и основаніе рижскаго политехническаго института. И въ Европѣ мало найдется такихъ заведеній, учрежденныхъ на общественныхъ, купеческія и дворянскія средства; насколько «политехникумъ», выпустившій изъ своихъ стѣнъ много инженеровъ, технологовъ и химиковъ, способствовалъ росту промышленности, настолько содѣйствовало образованію ремесленного сословія ремесленное училище рижскаго ремесленного общества.

Показателемъ успѣховъ ремесль въ Ригѣ и во всемъ Прибалтійскомъ краѣ и является настоящая юбилейная выставка. Устроившее ее, рижское ремесленное общество привлекло къ участию въ ней 775 прибалтійскихъ группъ, при чемъ около 87% экспонатовъ доставила Лифляндія, около 10% — Курляндія и 3% — Эстляндія; изъ нихъ 1/4 экспонатовъ прислана на выставку изъ деревень.

Мѣсто для выставки выбрано очень удачно. Не обошлось дѣло, однако, безъ искусственныхъ сооружений. На бесплодномъ песчаномъ грунтѣ разбиты цѣлѣны; всюду масса зелени. Благодаря двумъ мостамъ: одному, соединившему эспланаду съ Стрѣлковымъ садомъ, и другому, перекинутому черезъ каналъ, образовалась значительная площадь, гдѣ совершенно свободно раскинулась масса зданій. Передъ центральнымъ входомъ съ бульвара Тютленова устроены бассейны съ свѣтящимися фонтанами. На этомъ бассейнѣ поставлена огромная аллегорическая группа, изображающая промышленность и трудъ. Главное зданіе расположено полукругомъ и при помощи красивыхъ открытыхъ галлерей граничитъ съ одной стороны съ малымъ промышленнымъ удивилономъ, а съ другой — съ концертнымъ заломъ и рестораномъ. Въ главномъ зданіи размѣщенъ весь промышленный отдѣлъ.

Большой промышленный павильонъ даетъ разностороннюю картину механической и химической крупной промышленности и болѣе мелкихъ предпріятій, тогда какъ въ маломъ промышленномъ павильонѣ сосредоточены произведенія полиграфическихъ ремесль и выставка учебныхъ заведеній. Машинное производство, сдѣлавшее значительные успѣхи, даетъ въ машинномъ павильонѣ выдающіеся экспонаты въ связи съ произведеніями электротехники. Сельско-хозяйственные машины выставлены въ открытомъ машинномъ павильонѣ.

Въ маломъ машинномъ павильонѣ рижскій газовый заводъ экспонируетъ различные способы примѣненія освѣтительнаго газа; тамъ же выставлены ацетиленовые аппараты, горючіе материалы и холодильники.

Произведенія строительнаго искусства и различныхъ относящихся къ нему ремесль сосредоточены въ строительномъ павильонѣ; произведенія садоводства, содѣйствующія особому украшенію всей выставки, расположены въ павильонѣ садоводства и въ различныхъ мѣстахъ между зданіями.

Кромѣ того, на выставкѣ имѣются еще 29 частныхъ павильоновъ.

Изъ наиболее интересныхъ и крупнѣйшихъ экспонатовъ слѣдуетъ указать въ особенности на первую въ Россіи фабрику велосипедовъ и моторовъ «Россія», принадлежащую А. Лейтнеру и изготовляющую ежегодно до 5000 велосипедовъ. Затѣмъ слѣдуютъ два специфическихъ рижскихъ экспоната: пиво и сигары. Рижскіе заводы и др. прославили свое пиво по всей Россіи, а рижскія сигарныя фабрики Виссера, Мюнделя и Рутенберга изготовили въ прошломъ году до 40 миллионъ сигаръ. Каковы, значитъ, спросъ на сигары, какая масса людей у насъ «одурманиваются»!

Немалую гордость Риги представляетъ огромное электрическое общество «Уніонъ», экспонаты котораго разбросаны повсюду и примѣняются тутъ же, на практикѣ. Машины этого общества доставляютъ электрическую энергію машинамъ всѣхъ экспонентовъ и освѣщаютъ всю выставку. Вся эта грандіозная и многоцѣнная работа и представляетъ собою экспонатъ «Уніона», такъ какъ оно доставляетъ все это безвозмездно.

Изъ учебныхъ и ремесленныхъ учреждений наиболее выдающіеся экспонаты, т. е. свои работы, выставили въ маломъ промышленномъ павильонѣ рижскій политехнический институтъ, ремесленные школы рижскаго и юрьевскаго ремесленныхъ обществъ, либавскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества и роденпойской колоніи — исправительнаго дома для малолѣтнихъ преступниковъ.

Желая придать выставкѣ историческій характеръ, устроители ея придумали, по примѣру международныхъ выставокъ послѣднихъ лѣтъ, возсоздать искусственно старину. И быстро выросла «Старая Рига», такая, какою она была въ первые годы своего существованія.

Пройдя черезъ Стрѣлковъ садъ и черезъ массу извилистыхъ, узкихъ аллей, при послѣднемъ поворотѣ неожиданно натыкаешься на красную крѣпостную стѣну, всю обросшую мохомъ и внизу имѣющую довольно глубокій ровъ — это ограда «Старой Риги».

Широкія ворота съ цѣлой массой толстыхъ копій наверху, въ видѣ палисада, служатъ входомъ. Узкія улицы, невозможныя мостовыя со стокомъ посрединѣ улицы и общественный колодезь съ визжащимъ блокомъ и полустлѣвшей веревкой — сразу бросаются вамъ въ глаза. Нѣсколько шаговъ, и вы на площади, по лѣвую сторону которой высится домъ Черногоровыхъ, а по правую — башни и нѣчто въ родѣ торговыхъ рядовъ и собора; внизу расположена въ подвалѣ огромная «аустерія» — кабачокъ, вся прислуга котораго одѣта въ средневѣковые костюмы. По срединѣ площади, лѣвѣе, ближе къ углу, мрачно высится позорный столбъ съ придѣланными къ нему наручниками. Къ такому столбу въ былые времена на площадяхъ приковывали преступниковъ и выставляли ихъ въ назиданіе и устрашеніе жадной до подобныхъ зрѣлищъ толпы. Цѣлый рядъ лавокъ помѣщается въ нижнихъ этажахъ домовъ, находящихся на самой площади и кругомъ нея. Въ этихъ лавкахъ продаются разныя мелочи и бездѣлушки.

Изъ этого уголка рижской старины посѣтитель при извѣстномъ запасѣ фантазіи можетъ быстро перенестись подъ южное небо Италіи, на лагуны Венеціи. Стоить лишь перейти на такъ-называемый «Птичій дугъ» — обычное мѣсто народнаго увеселенія. Тамъ сооружена «Венеція въ Ригѣ». Для всякаго, кто не бывалъ въ Венеціи, картина, открывающаяся здѣсь, можетъ до извѣстной степени дать полную иллюзію. Издали доносятся характерный гортанный говоръ гондольеровъ, широко несутся съ эстрады на городскомъ каналѣ ласкающіе звуки итальянскихъ пѣвцовъ. Всюду скользятъ своеобразными темными массами — гондолы, биткомъ набитыя публикой и удивительно ловко управляемые своими смуглыми хозяевами, которые, стоя на кормѣ и работая огромнымъ весломъ, распыляютъ пѣсни. По ту и другую сторону канала высится декорація, изображающая цѣлый рядъ венеціанскихъ «дворцовъ». Налѣво помѣщается зданіе «концертъ-театра», въ которомъ подвизаются различные артисты. Тамъ поетъ очень хорошій хоръ итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Въ антрактахъ хоръ этотъ кочуетъ по всей «Венеціи» и прямо на травѣ передъ многочисленными столиками около кафе поетъ и пляшетъ, самъ аккомпанируя себѣ на гитарахъ и мандолинахъ. Множество дѣвушекъ въ типичныхъ итальянскихъ костюмахъ разносятъ кушанья и напитки.

Кромѣ сооруженія «Венеціи въ Римѣ», устроители выставки доставили ея посѣтелямъ еще другое художественное наслажденіе: они организовали специальную выставку произведеній балтійскихъ художниковъ за семь истекшихъ вѣковъ. Выставка эта представляетъ несомнѣнный интересъ для сужденія объ историческомъ развитіи и современномъ положеніи искусства въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Выставка помѣщается въ зданіи городской начальной школы, противъ главнаго входа на юбилейную промышленно-ремесленную выставку. Всего выставлено до 400 произведеній; изъ нихъ болѣе 50 — скульптуръ.

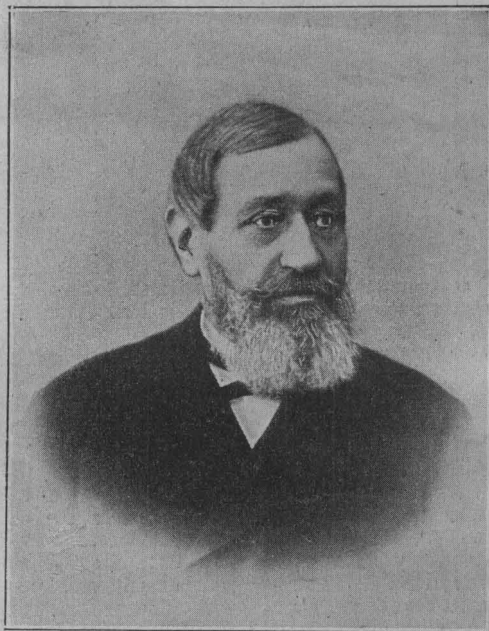
Среди произведеній живописи, особенно у старыхъ балтійскихъ художниковъ, преобладаютъ портреты. Здѣсь наиболее старинныя произведенія принадлежатъ художникамъ: Э. Лондисеру и Д. Андре (XVII в.). Однимъ изъ наиболее выдающихся произведений современныхъ художниковъ на выставкѣ слѣдуетъ признать студию извѣстнаго дюссельдорфскаго профессора Э. фонъ-Гебгарда, родившагося въ 1838 г. въ Эстляндіи. Въ скульптурномъ отдѣлѣ имѣется нѣсколько хорошихъ произведений изъ мрамора, бронзы и гипса разныхъ художниковъ минувшаго и текущаго столѣтій. Среди нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ работы барона Клодта фонъ-Юргенсбурга, извѣстнаго ваятеля лошадей, между прочимъ, знаменитыхъ четырехъ лошадей на Аничкиномъ мосту въ Петербургѣ.

Юбилейная выставка уже дала свои результаты. 29-го іюня т. г. состоялось торжественное присужденіе наградъ. Всѣхъ наградъ присуждено 558, въ томъ числѣ: 27 почетныхъ призовъ и дипломовъ на золотыя медали, 10 золотыхъ государственныхъ, 76 такихъ же обыкновенныхъ. Если принять во вниманіе, что всего явилось на выставку 578 экспонентовъ, то результаты эти очень утѣшительные.

Присужденіемъ наградъ завершили большія юбилейныя торжества, длившіяся нѣсколько дней и начавшіяся 23-го іюня блестящимъ раутомъ въ Стрѣлковомъ саду. Устроитель раута, городское управленіе пригласило на него 2000 человекъ изъ мѣстной и окружной знати.

И. П. Корниловъ. (Портр. на этой стр.)

2-го іюля т. г. тихо скончался, 90 лѣтъ отъ роду, извѣстный сударственный и общественный дѣлатель почетный олекулъ Илья Петровичъ Корниловъ. Болѣе 40 лѣтъ прослужилъ И. П. дѣлъ народнаго образованія, но этотъ громадный срокъ лишь немножко половины всей его службы, первая часть которой протекала въ воен-

И. П. Корниловъ († 2-го іюля 1901 г.).
По фот. авт. «Нивы».

номъ и межевомъ вѣдомствѣ. Но несомнѣнно главные его заслуги относятся къ дѣлу народнаго просвѣщенія; значительная часть этой его дѣятельности посвящена была Сѣверо-Западному краю.

Состоя почитаемымъ виленскаго учебнаго округа, И. П. сумѣлъ внушить и всѣмъ своимъ подчиненнымъ всегда одушевлявшую его горячую любовь къ дѣлу просвѣщенія, сознание полезности ихъ образовательной и воспитательной дѣятельности, приобретающей тѣмъ большую силу и значение, чѣмъ больше препятствій она встрѣчаетъ. На своемъ высокомъ отвѣтственномъ посту И. П. сумѣлъ не только быть главою, но и центромъ всего русскаго учебнаго округа въ краѣ, и настолько расположилъ къ себѣ всѣхъ русскихъ людей, дорожившихъ просвѣщеніемъ и служившихъ ему, что какъ-то невольно, считая это въ порядкѣ вещей, они шли прямо къ нему и за совѣтомъ, и съ просьбой, а то и просто побесѣдовать съ нимъ въ его домѣ, двери котораго всегда были широко открыты каждому, имѣвшему какое-либо дѣло къ И. П. Съ годами, незаметно И. П. возвысилъ своимъ сердечнымъ участіемъ и вниманіемъ къ народ-

учебномъ округѣ въ должности инспектора казенныхъ училищъ; затѣмъ онъ былъ назначенъ помощникомъ попечителя с.-петербургскаго округа, а вскорѣ и попечителемъ виленскаго округа. За время его управленія виленскимъ округомъ было открыто много народныхъ училищъ; въ мѣстечкѣ Молодечѣ, виленской губ., имѣла была открыта, въ 1864 году первая въ Россіи мужская учительская семинарія, а въ Вильнѣ основаны женское руководящее училище и рисовальная школа. По его же инициативѣ въ Вильнѣ было открыто отдѣленіе Императорскаго русскаго географическаго общества. По ходатайству И. П. было Высочайше дозволено печатать учебныя и молитвенныя книжки для бѣлоруссовъ, жмудиновъ, латышей и литвиновъ на родныхъ ихъ языкахъ, хотя и русскими буквами (вмѣсто латинскаго алфавита); при гимназіяхъ были завѣдены историко-литературныя чтенія, а также музыкально-литературные вечера; имѣ же былъ обновленъ почти весь педагогическій персоналъ округа.

Съ 13-го марта 1868 года И. П. состоялъ членомъ совѣта ми-

Гребная гонка въ петербургскомъ рѣчномъ яхтъ-клубѣ 1-го іюля т. г. Участники гонокъ и члены петербургскаго гребного общества и рѣчного яхтъ-клуба. По фот. К. Булла авт. «Нивы».

ному учителю весь педагогическій персоналъ въ краѣ. Не любившій никакихъ крайнихъ мѣръ, всегда со всѣмъ равнымъ и благодушнымъ, но въ то же время ни на шагъ не уклонявшійся отъ намѣченнаго себѣ пути для усовершенствованія педагогическаго дѣла въ краѣ, И. П. былъ образцомъ опытнаго администратора, и неудивительно, что блестящіе результаты его трудовъ вызвали столько же одобреніе въ правительственныхъ сферахъ, сколько и признательность въ мѣстномъ польскомъ обществѣ. Это громадная его государственная заслуга, и имя его увѣковѣчено въ исторіи просвѣщенія нашего сѣверо-западнаго края.

Кромѣ этой практической-просвѣтительной дѣятельности, И. П. извѣстенъ какъ историкъ западно-русскаго края; ему принадлежатъ много цѣнныхъ изслѣдованій по исторіи просвѣщенія въ западномъ краѣ. Подъ его редакціей были изданы въ послѣднее время четыре тома: «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи».

И. П. Корниловъ родился 28-го августа 1811 года и воспитывался въ пажемскомъ корпусѣ; за послѣдніе годы онъ былъ старшимъ воспитанникомъ корпуса; изъ корпуса онъ въ 1830 году былъ выпущенъ офицеромъ въ л.-гв. измайловскій полкъ. Первые лѣтъ дѣятельности И. П. посвящены были военному и межевому дѣлу, а 3-го мая 1857 года онъ перешелъ на поприще народнаго просвѣщенія; съ 1871 года онъ состоялъ и почетнымъ опе-

нистра народнаго просвѣщенія, причемъ въ званіи почетнаго опекуна И. П. 19 лѣтъ управлялъ татчинскимъ сиротскимъ институтомъ и гатчинскою женскою гимназіей.

Въ прошломъ году чествовалось 70-лѣтіе его служебной дѣятельности, это было рѣдкое торжество—и по продолжительности службы юбиляра, и по своему исключительно задушевному характеру.

Гребная гонка въ петербургскомъ рѣчномъ яхтъ-клубѣ. (Рис. на этой стр.)

1-го іюля на рейдѣ рѣчного яхтъ-клуба состоялось большое торжество, представляющее своего рода событіе въ спортивномъ мірѣ. Въ этотъ день состоялись гребная гонка на главные и почетныя призы: «Невскій кубокъ» и «Почетный кубокъ» съ правомъ на званіе перваго гребца въ Россіи.

Великолепная, солнечная погода привлекла къ мѣсту гонокъ на Среднюю Невку огромную массу публики, болѣе или мене, если не лично, то симпатіями—причастной къ этому здоровому спорту. Дамы преобладали среди собравшейся публики.

Начались гонки съ состязанія на «парныхъ двойкахъ», въ которомъ одержали побѣду представители шуваловскаго гребного общества «Фортуна» гг. П. Модестовъ, Ф. Выводцевъ и А. Михайловъ, сдѣлавшіе полутораверстную дистанцію въ 5 мин. 44½ сек.

Затѣмъ наступила очередь болѣе серьезной гонки—на «Невскій кубокъ», за честь обладанія которымъ каждый годъ спорятъ лучшія

наши гребные общества. Въ этомъ году явился оспаривать этотъ кубокъ у нынѣшняго его владѣльца—«петербургскаго гребного общества» гельсингфорскій гребной яхтъ-клубъ. Споръ былъ очень жаркій, и «гельсингфорцы», въ лицѣ гг. В. Сольстрема, Э. Форсмана, В. Ньюгольма, И. Геленіуса (загребного) и И. Тухева (рулевого) побѣдили «петербуржцевъ». Хотя, къ чести послѣднихъ нужно прибавить, побѣдители опередили лишь на 6¹/₂ секунды. Отбивъ кубокъ, всѣ пять финскихъ спортсменовъ получили, кромѣ того, въ личную награду особые почетные золотые знаки.

Заключительнымъ и наиболее интересовавшимся спортсменовъ состязаніемъ была гонка: «почетный кубокъ» и на званіе перваго гребца въ Россіи. Кубокъ этотъ много лѣтъ находился въ рукахъ московскаго рѣчного яхтъ-клуба, но въ 1899 г. его отбило петербургское гребное общество, сохранившее его за собою и на состязаніяхъ прошлаго года. Въ нынѣшнемъ году съ похвальнымъ упорствомъ явился у него оспаривать кубокъ опять московскій рѣчной яхтъ-клубъ, приславшій лучшихъ своихъ гребцовъ, гг. Д. Константинова и А. Переселенцева.

Но петербургское гребное общество, потерпѣвшее въ этотъ день неудачу съ «Невскимъ кубкомъ», осталось на этотъ разъ на высотѣ положенія. Представитель его г. Снегманъ, завоевавшій себѣ званіе перваго гребца въ Россіи, постарался для своего общества и удержалъ за нимъ опять почетный кубокъ. Въ данномъ случаѣ сказала великая истина: «счастье одного покончитъ на несчастьѣ другого». Его наиболее сильный конкурентъ-москвичъ, г. Константиновъ потерпѣлъ аварію:

держась берега, онъ на всемъ ходу задръ за плотъ и неожиданно «выкупался». Но это ничуть не охладило пыла опытнаго спортсмена; быстро занявъ мѣсто въ своей лодкѣ, онъ двинулся дальше, но неудача его преслѣдовала въ этотъ день; приближаясь къ финишу, онъ снова принялъ невольно «холодную ванну».

Необычайный градъ.
(Въ натур. величину).

На воспроизведенной у насъ группѣ представлены всѣ участники гонокъ въ этотъ день, а также и члены петербургскаго гребного общества и рѣчного яхтъ-клуба, устроившихъ эти гонки.

Необычайный градъ. (Съ 5 рис. на этой стр.).

Градъ — кара небесная. Въ народѣ ходитъ повѣрье, что Ілія пророкъ выбиваетъ градомъ хлѣбъ у тѣхъ, кто обмѣряетъ. Отчего происходитъ градъ, — до сихъ поръ не установлено наукой. Зато собрано много интересныхъ наблюдений о немъ, о его формѣ, размѣрахъ, составѣ. Градъ «въ голубиное яйцо» — вотъ обычное у насъ представление о наибольшемъ размѣрѣ града. Мало кому извѣ-

но, что бываютъ градины величиною съ кулакъ (наблюдались въ лифляндской губ. въ 1846 г.). Въ 1863 г. на островѣ Зеландіи выпалъ градъ такихъ размѣровъ, что пробилъ крыши домовъ и даже потолки. Одна изъ проникшихъ въ домъ градинъ была тотчасъ взвѣшена, и въ ней оказалось 15 фунтовъ. Въ 1850 г. на Кавказѣ выпали еще большихъ размѣровъ градины, вѣсившія 25 фунтовъ. Если бы это говорилъ не такой авторитетъ, какъ К. Веселовскій («О климатѣ Россіи»), то трудно было бы этому повѣрить.

Точно также бывали случаи изумительно обильнаго града. Въ Западной Монголіи, какъ видно изъ письма миссіонера Берлина, помѣщеннаго въ журналѣ «Ciel et Terre», выпалъ въ 1889 году такой обильный градъ, что въ четверть часа покрылъ землю слоемъ въ три фута толщины.

Каждый наблюдать, что градъ иногда сопровождается грозой и бываетъ въ небольшихъ размерахъ предметы, поднятые сильнымъ восходящимъ воздуш-

нымъ токомъ, напримѣръ камни, куски дерева и даже мелкія рыбки изъ породы уклейки; это оригинальное «заливное изъ рыбы» упало съ неба на жителей Босніи въ іюль 1892 г. («Метеорологическій Вѣстникъ» за 1892 г.).

Характерно, что градъ выпадаетъ большей частью лѣтомъ и притомъ почти всегда днемъ. Градъ ночью — явленіе очень рѣдкое. Почти не знаютъ града ни полярныя страны, ни тропическія. Это — стихійное бѣдствие умѣреннаго пояса, и при томъ чаще надъ сушей, чѣмъ надъ моремъ; хотя рѣже вдали отъ берега, чѣмъ близъ него. Градобитная статистика удостоверяетъ, что во Франціи бываетъ градъ въ среднемъ до 10 разъ въ годъ, въ Германіи — 5 разъ, въ Европ. Россіи — 2 раза, а въ Западной Сибири — 1 разъ. Это еще единственное утѣшеніе, хотя опустошенія, производимыя градомъ, почти всегда настолько велики, что ихъ не забудешь до слѣдующаго града. За послѣднее время, какъ извѣстно, хитроумный человекъ начинаетъ побѣждать стихію — онъ умудрился разгонять градовыя облака пушечными выстрѣлами. Опытный глазъ сразу узнаетъ эти злобшія облака: темно-сѣраго пепельнаго цвѣта съ бѣлыми, какъ бы изодранными верхушками.

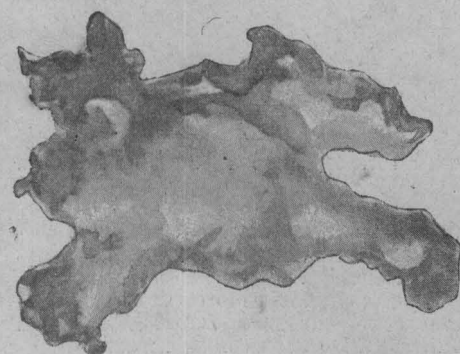
Изображенные на нашемъ рисункѣ необычайныя градины выпали въ 6 час. вечера 8-го іюня, близъ Петербурга, въ Лужскомъ уѣздѣ. (Вообще нынѣшнее лѣто во многихъ мѣстностяхъ Россіи особенно богато грозами съ градомъ). Наблюдавшій этотъ градъ художникъ г. Козачинскій зарисовывалъ градины тотчасъ же послѣ ихъ выпаденія.

Необычайный градъ. (Въ натуральную величину).

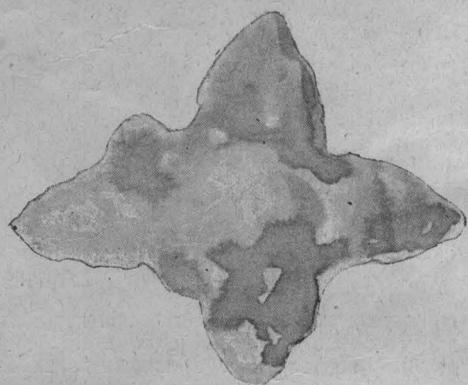

Необычайный градъ.
(Въ натуральную величину).

Необычайный градъ. (Въ натур. величину).

представленіе о наибольшемъ размѣрѣ града.

Необычайный градъ. (Въ натур. величину).

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ №№. „Нивы“. Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой подписной платы за „Ниву“ 1901 г., озаботиться своевременными срочными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ съ бандероли, подъ которою получается ими „Нива“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.